

Александр Сокуров: «Когда я бываю в Токио, у меня нет ощущения, что я иностранец»

Русского режиссера Александра Сокурова многое связывает с Японией. Он – кавалер Ордена восходящего солнца, одной из ее высших государственных наград. Александр Николаевич много раз бывал в Японии, много там снимал и много размышлял...

Беседу вел Мотоюки Исидзаэ

мы смогли жить вместе, потому что хорошо, когда у тебя братья благородные, трудолюбивые. И очень много психологически общего между нами: мы одинаково относимся к власти, ведем себя в атмосфере жесткого режима практически одинаково.

То есть реакции народа одинаковы?

Да, во многом. Мы готовы принимать власть, хотя и по-разному, что не характерно для европейской традиции. Они создают власть, а мы принимаем ее какая есть. И, как это ни странно, очень много общего в темпераменте. Поэтому японцам очень часто нравятся русские и советские песни, а в России людям близка особая напевность японских мелодий. В японской и русской культуре очень важна мелодичность. Поэтому Япония любит и Рахманинова, и Чайковского, больше даже, чем в России. Мне так кажется. Сам эволюционный характер развития общества и культуры, мне кажется, у нас очень близок. Потому что мы когда-то начинали жить в культуре с уроков, которые нам давал внешний мир. И японская культура очень много принимала из опыта мировой практики. Может быть, эпоха Мэйдзи запустила этот механизм адаптации к новой жизни, и она, на мой взгляд, продолжается и сегодня. Для меня Япония – это страна, в которой продолжается период адаптации и видоизменения, и он, как мне кажется, еще не приобрел такого национального качества, когда изменения работают исключительно в пользу национальной культуры. Я сейчас говорю о культуре, а не о политике, так как я все же режиссер. В том, чтобы японская культура развивалась, я крайне заинтересован.

Как-то вы сказали, что сегодня мы можем с грустью вспоминать великое японское кино...

Японский кинематограф стремится показывать современную жизнь, и режиссеры, по-моему, забывают, что очень драматичная и серьезная жизнь за спиной. Я хочу сказать, что со смертью режиссера, моего друга, Осима-сан, эту страницу как бы закрыли. Потому что он был последним, кто знал народ, не боялся говорить о жизни за спиной, в прошлом, и не боялся классических форм драматургии и кинематографа. В Осима-сан сочетались авангардизм и блестящий академизм. Чудесный человек был, и я очень любил его.

Вы сказали, что интересуетесь культурой, а не политикой. Но в одном интервью Вы сказали, что считаете XX век очень важным, и описали трех человек у власти: Ленина, Гитлера и нашего императора Хирохито. Как Вы видите нынешний XXI век по сравнению с предыдущим веком?

Во-первых, мне кажется, масштаб политических личностей, сегодня, конечно, иной, это люди меньшего масштаба. Но и тенденция такая, что люди выбирают себе руководителей своего уровня культуры. Потому что, если у человека высокий уровень культуры, высокое достоинство, масштаб мысли, то, конечно, он будет более толерантным, более компромиссным, более осторожным, а где-то более определенным и более честным. Более открытым. Современный политический инструмент – это скрытность, агрессивное лавирование. Нежелание быть честными, нежелание быть открытыми взаимно рождает парадоксы, кото-

«Япония не имеет никакого отношения к Азии, это особый, другой народ».

В нашей стране Вы известны не только как режиссер, но и как японофил. Чем Вам близка Япония? Когда и как появился интерес к ней?

Когда я первый раз, давно, прилетел в Японию, меня ничто не удивляло. Мне говорили: приедешь в Японию, это будет сплошная экзотика, а у меня было ощущение, что я много раз был уже здесь. Это было поразительно. Японию мне открывала прекрасная Хироко Кодзима... Не то, какие дома, какие улицы, а удивителен сам народ, люди, их характер, отноше-

ние друг к другу, умение быть деликатными и какая-то совершенная особенность: мне сразу показалось, что Япония не имеет никакого отношения к Азии, это особый, другой народ. Внутренняя чувствительность, которая есть в японском характере, очень понятна и близка русским. Потому что мы, наверное, такие же. Не так давно, в Консульстве, когда мне вручали орден, я сказал, что как было бы прекрасно, если бы мы жили одним государством, помогали друг другу по-братски. Вообще, это моя мечта, чтобы

ФОТО: ВИКТОРИЯ НАЗАРОВА

рые есть сегодня. Это, на мой взгляд, первое отличие. Второе – это решительная победа денег над гуманитарностью. Сейчас стало очень тяжело всем, кто занимается образованием, медициной, потому что в эти области пришли люди, у которых заниженный уровень гуманитарных и моральных требований. Посмотрите на кинематограф, где насилие в фильмах занимает 80% времени. Даже в хороших фильмах. Это означает, что никаких моральных ограничений, никаких табу – нет, а есть только представление о деньгах. Даже у многих очень хороших режиссеров. Это, к сожалению, распространяется на всех: на Японию, на Соединенные Штаты, на Россию, на Европу – на всех. Как следствие, молодежь перестает ценить свое искусство, свою родину. Я бываю в Японии и сталкивался с тем, что молодые люди говорили, что они не любят свою страну. Я спрашиваю: «Почему? Вы ведь многое преодолели, многое создали, результатами вашего труда живет весь мир. Почему вы не гордитесь своим народом?» Вот не любят, не гордятся. Это результат того, что материальный аспект стирает границы, делает национальные особенности не столь важными. Это очень обидно.

Насколько в мире востребовано интеллектуальное творчество?

Оно будет востребовано всегда. И его существование будет зависеть не от потребностей, а от того, явился ли в этот мир талантливый человек. Искусство зависит не от внешних факторов, а от того, что появился человек, который не может не работать талантливо или гениально. Представьте себе такую грандиозную, органичную, уникальную личность, как Моцарт, и в какое кошмарное и тяжелое время он жил. А Бах? А художники-графики японские? Хокусай. Если только представить, в каких условиях он творил, кажется, что вообще ничего невозможно. И бедность, и зависимость. А он все равно создавал. Пока талантливые люди существуют, кто-то обязательно будет делать что-то удивительное. Не сомневаюсь.

Вы в своих фильмах обычно описываете человека и человечество. Однажды Вы сказали даже, что это Ваша обязанность перед зрителями. Откуда такое отношение к человечеству?

Это, наверно, от русской литературы XIX века. Это мое любимое пространство, я литературу люблю больше, чем кино. И читаю больше, чем смотрю. Диккенс, Толстой, Флобер, Томас Манн — все писали о человеке. По-своему – Достоевский. Даже Ремарк, описывая войну, все равно писал не о ней, а о том, как люди себя ведут на войне. Нам никуда от чело-

века не деться. Человек – это главное, на чем все держится.

Такой иронический вопрос: Вы не планируете снять комедию?

Мы начинали снимать комедию. Историю о том, как Чехов приезжает в Петербург собирать деньги у тех людей, которые ему были должны. Очень смешная картина, но, к сожалению, у нас возникли проблемы финансирования.

Вы упоминали в своих интервью об идее спектакля, посвященного Стране восходящего солнца, а также об уже отснятом материале по новейшей истории Японии. Расскажите, пожалуйста, об этом более подробно.

Это была идея фильма об истории Японии и о ее современности, документальный фильм на основании биографии Осима-сан, поскольку он прошел через все эти этапы. Мы много снимали, много собрали материала, но фильм не смонтирован. Чего-то мне еще не хватает. Может быть, нужно обновить взгляд на страну. Я не был в Японии очень долго, по-моему, лет шесть. Может быть, когда ты что-то слишком любишь, кажется, что ты слишком хорошо это знаешь. Но народ – космическая семья.

Вы много лет работали с Японией, японцами. У вас есть какое-то особое впечатление о профессионализме японцев?

Могу сказать, что, когда я работал в Японии, я был спокоен и занимался только своей режиссерской работой. Потому что дисциплина была идеальная, все, что намечалось, всегда исполнялось, никаких отступлений. Не было случая, чтобы мне что-то было надо, и этого не оказалось. Если не хватало средств, люди соглашались работать бесплатно. Очень надежные люди, очень дисциплинированные. И мои коллеги-японцы никогда не хватали меня за руки: вот, не делай этого, потому что ты не японец. Они всегда давали мне возможность выполнить любое мое желание, как бы сложно оно ни было к исполнению. Самоотверженность по отношению к жизни, что очень похоже на какую-то часть русских людей. Вообще, Япония – самая усталая страна, которую я в своей жизни видел. Я не видел народа более уставшего, чем японцы.

Этим, наверное, отличается Япония от других азиатских стран.

Да. Она взяла на себя такую ношу, которую отказались нести другие страны азиатского континента. Такова цена. Цена за ту тяжесть, которую народ поднял на

ФОТО: © PROLINE FILM

плечи. За короткое время создать новую жизнь, на-верстать упущенное, догнать, перегнать, создать новую промышленность, решить целый ряд социальных проблем при ничтожно малых ресурсах. Великий народ, великие люди.

Я продолжу про Японию. Я видел фильм «Солнце» о нашем императоре. Мое личное впечатление, что у него не было желаний, как у Ленина, Гитлера, Фауста, быть национальным символом. Просто обстоятельства заставили. И я не знаю, насколько сравним наш император с этими другими личностями?

Создавая «Солнце», я опирался на множество исторических фактов, о которых даже мои друзья-японцы не знали. И в значительной степени – на свою интуицию. Создавая образ Хирохито, я очень боялся зайти в то пространство, которое эмоционально или подсознательно мне непонятно. Но я убедился (для меня это кажется важным), что самые тяжелые вопросы, проблемы надо решать постепенно. Нельзя разбежаться и сдвинуть шкаф с места. Ленин разбежался и попытался сдвинуть, и мы видим как. Гитлер делал то же самое. Только в фигурах Фауста и Хирохито есть пример того, что тяжелые предметы надо двигать медленно и, я бы

«Пока люди существуют, кто-то обязательно будет делать что-то удивительное».

сказал, осторожно. Поэтому, когда говорят, что Хирохито проявил слабость, это не совсем так. Это проявление очень большой силы – только не физической, а силы разума. Он дважды ее проявил. Первый раз, когда не начал войну с Советским Союзом в декабре – на него давили немцы, их войска стояли под Москвой. И второй раз, когда он заявил о выходе из войны. В этом смысле, я считаю, Хирохито – тот человек, который спас Советский Союз. Если бы он принял решение о продвижении японских войск в сторону границы Советского Союза, то началась бы большая война на Дальнем Востоке, и никакие сибирские дивизии не смогли бы спасти Москву. Мы понимаем, что четыре миллиона человек, которые были у японской армии на тот момент, когда американский корпус высадился на главном острове, сбросили бы американцев в море. Но потом страна была окружена со всех сторон, и началась

**«Если человек не будет любить
свое искусство, он не будет понимать
и любить искусство других народов».**

бы страшная война, и народ этого уже не выдержал бы. Поэтому Хирохито – фигура не только равнозначная крупнейшим историческим фигурам XX века, но и, может быть, самая уникальная – с точки зрения политической практики. При учете всех ошибок. Политика – это движение, способ продвижения идей. Но вовремя остановиться не мог никто – ни Гитлер, ни Ленин. Остановился вовремя Хирохито. Показать человечеству, что у людей всегда есть возможность остановиться вовремя, мне казалось очень важным. Я смотрю на фигуру императора как на сложную. И в этом смысле у него есть нечто общее с Фаустом.

Некоторые из Ваших последних фильмов поставлены не на русском языке. Можно ли говорить, что с Вашим творчеством больше знакомы не в России? Его воспринимают как русское или интернациональное?

Сложный для меня вопрос. Я считаю себя Александром Сокуровым. Для начала. Я понимаю, что я больше европеец, чем русский. По воспитанию, по принципам, по поведению своему, по моей любви к разным культурам, к разным языкам, к разным людям. Моя родина Россия переживает тяжелейший кризис и тяжелейший культурный кризис. Для страны, где такое количество людей бедных и где реально низкий уровень жизни, труд такого режиссера, как я, вряд ли нужен. Действительно, мои фильмы показывают больше в других странах мира, чем у меня на Родине. Но мы же читаем книги разных авторов, не все книги написаны русскими авторами и не вся музыка, которая написана, русская. Когда я бываю в Токио, у меня нет ощущения, что я иностранец. Я понимаю, что я единственный светлоголовый человек, что люди так или иначе осторожненько и деликатно, но обращают внимание на меня. Но мне легко дышится. Так почему-то хорошо и легко – я не могу объяснить этого. Я очень часто ловлю себя на мысли, что я не знаю языка, но начинаю понимать, о чем говорит человек.

Может быть, Вы в предыдущей жизни были японцем. Может быть. Такая же грусть у меня, даже иногда не русская какая-то. На меня большое влияние оказывают мои любимые люди – Хироко Кодзима и крут ее друзей.

Вы упомянули о тяжелых временах в Вашей стране. Наверное, Вам тоже было сложно. У меня такое впечатление, что Вы очень энергичный человек. Откуда Вы черпаете вдохновение, силу?

Знаете, вдохновение – это не для режиссера, это для поэта, для композитора. На вдохновении режиссер ничего не может сделать – не успеет, вдохновение коротковременно. А мне нужно картину делать в течение года или 8-9 месяцев. Из книг, конечно.

Из книг?

Конечно. Для меня книга – это и поступок человека. И еще силы дает сама жизнь, мне кажется. Работа дает силы. Страстное желание. Столько всего создано в визуальной области, что одной картиной больше, одной меньше – не так важно. Но мы, режиссеры, должны доказать, что то, что мы сейчас создаем, будет заслуживать нового внимания. И тут надо прикладывать много усилий. Я не очень люблю кино, я люблю литературу. В кино я просто профессионально работаю, так моя жизнь сложилась. Есть же врачи, которые не любят оперировать, являясь хирургами, а любят слушать музыку. Я из таких людей. Поэтому мне, может быть, надо было быть не кинорежиссером, а кем-то другим.

Энергия появляется от жизни. Я думаю, что Хокусай, когда рисовал свои картины, плакал иногда от того, что на душе тяжело. Но мы следов этих капель не видим на бумаге. Ему было трудно, но он все равно создавал.

Вы очень коротко сказали в начале нашего разговора, что в России есть, что разделить с Японией. Как Вы думаете, есть ли какие-то общие аспекты между российской и японской культурами? Есть ли что-то, чему японцам стоит научиться у русских или наоборот?

Могу, конечно, говорить из области культуры. Мой опыт поездок по Японии, жизни, работы там говорит, что, например, русским актерам было бы правильно поучиться универсальности актерской школы в Японии. Потому что японские актеры работают во всех театральных традициях мира. И в реалистической традиции, и в стиле Станиславского, и в стиле Чехова, и в стиле Гротовского, и в стиле кабуки. Они единственные умеют всё. Я это сам видел. Говорю как профессионал. Это поразительная, фантастическая универсальность. А с точки зрения изобразительного искусства, конечно, ясности и простоте. И чистоте стиля – будь то живопись или графика. А что касается кинематографа, то я думаю, что здесь нечему учиться у России. Когда к столетию кино европейская киноакадемия подводила итоги развития кино, от России в 100 лучших режиссеров вошло, по-моему, 6 или 7 человек, а от Японии, кажется, 12. То есть традиция киноискусств в Японии очень глубокая. Другое дело, что японские современные мастера, молодые режиссеры, мало опираются на эту традицию. Ни в ком мы там не видим наследника Мизогуты, никто не продолжает эти художественные традиции, все занимаются так называемым современным кино. А вот поучиться мультипликационному кино у русских, конечно, было бы правильно. Потому что самое лучшее, что есть в российском, в советском кино – это мультипликация. И детское кино. Оно великое, очень мягкое, добросердечное, очень художественное, живописное. Поразительно настоящее. Конечно, существуют большие театральные коллективы Петербурга и Москвы. Японии, на мой взгляд, не хватает стационарных драматических театров с мировой репертуарной практикой. Можно было бы поучиться балетному искусству. Я думаю, это всё. Это сложный вопрос, в современной культуре все перетекает одно в другое.

Недавно был составлен список 50-ти лучших мультфильмов, и я уже получил этот список. 48 из них были сделаны во времена Советского Союза. Мы это знаем, это просто чудесно.

В России есть закон, который ограничивает показ иностранных фильмов...

Я считаю, что надо принимать закон, который ограничивает попадание на русский рынок коммерческого кино. Чем его больше, тем больше люди сидят в дурных кинотеатрах, не читают книг, ничем разумным не занимаются. Но это надо делать осторожно. Для того чтобы российское кино вернулось на экраны, это одно из возможных действий. Оно направлено, в первую очередь, против американского кино-мусора. На 10 фильмов, которые приходят из Америки, 8 фильмов смотреть совсем не безопасно. Надо остановить поток этого мусора, потому что он оказывает очень тяжелое воздействие на человека. И потом национальное искусство надо как-то ограждать. Если человек не будет любить свое искусство, он не будет понимать и любить искусство других народов.

Кстати, в Японии раньше 40% показываемых фильмов были отечественные. Сейчас по какой-то причине – 60%. Это не гарантирует качество, но все-таки это важное начало.

Звучит родной язык, музыка. Работу имеют композиторы, актеры. И потом люди сплываются вокруг своего языка, культуры, а не вокруг политических лозунгов.

Последний вопрос. Сейчас в информационном культурном поле актуальна тема Апокалипсиса. Что Вы думаете об этом? Вам близка библейская трактовка или вы придерживаетесь научной точки зрения о том, что конец света настанет, когда Солнце погаснет?

У конца света может быть две причины. Первая – естественная, если что-то происходит с Солнцем или с ядром земли. Гораздо более близкая – это когда люди сами превратят жизнь в кошмар и поставят точку в эволюционном процессе. И безудержные удары по экологии, ослабление природы, и неразумная политика, в том числе военная. Для нас фактор возникновения ядерной войны – это страшнее, чем угасание Солнца. Поэтому скорее надо думать, чтобы люди сами не разрушили свою жизнь, чем ждать Божьего суда. Несогласие внутри человеческого общества опаснее, чем любые разговоры о Божьей каре или естественнонаучном конце света. Мы гораздо ближе к этому. Простой пример: мы соседи, Россия и Япония – а у нас даже нет мирного договора. Ну что это такое?

Абсолютно согласен. Большое Вам спасибо. Этот разговор был очень ценен — не только для наших читателей, но и для меня лично.